

Reasons for the Change in the Ethnic Composition of Areas Densely Populated by Ukrainians in Russia in the Assessments of Modern Russian-Ukrainian Biethnors: Forced vs Natural Assimilation

Vasily V. Bublikov

Belgorod State University. Belgorod, Russia. Email: [v.bublikov\[at\]mail.ru](mailto:v.bublikov[at]mail.ru)

Abstract

The article deals with the data of official statistics of ethnic Ukrainian population in the modern territory of the Russian Federation for the late 19th – early 21st centuries, which indicate a multiple reduction in the number of Ukrainians in Russia, the disappearance of areas of their compact residence. At present, only territories with a large bi-ethnic Russian-Ukrainian population have survived in the Russian Federation, which is primarily due to the change in the identity of the “former” Ukrainians. Most Russian researchers consider the decline in the number of Ukrainians to be a process of natural assimilation. However, studies carried out under the guidance of the author in 2020–2021 in the regions of compact residence of Ukrainians show that among the biethnors the point of view prevails, about the political nature of this assimilation caused by the repressions of the period of Stalin dictatorship, the change in the “status” of Ukrainians after the collapse of the USSR and cultural and educational policy, which does not provide the possibility of learning Ukrainian language and obtaining education, even in places densely populated by Ukrainians. More often, respondents speak about the political reasons for the “rewriting” of Ukrainians into Russians in the regions bordering Ukraine. In the Asian part of the country, opinions about the forced or natural assimilation form two numerically approximately equal groups.

Keywords

Ukrainians in Russia; Biethnors; Russian-Ukrainians; Natural Assimilation; Forced Assimilation; Ethnic Composition

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Причины изменения этнического состава районов компактного проживания украинцев в России в оценках современных русско-украинских биэтноров: вынужденная vs. естественная ассимиляция

Бубликов Василий Валерьевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
Белгород, Россия. Email: v.bublikov[at]mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются данные официальной статистики численности украинского населения на современной территории РФ за период конца XIX – начала XXI вв., которые свидетельствуют о многократном сокращении числа украинцев в России, исчезновении районов их компактного проживания. В настоящее время в РФ сохранились лишь территории с многочисленным биэтническим русско-украинским населением, что связано, прежде всего, с изменением идентичности «бывших» украинцев. Большинство российских исследователей считают сокращение численности украинцев процессом естественной ассимиляции. Однако исследования, выполненные под руководством автора в 2020–2021 гг. в регионах компактного проживания украинцев в России, показывают, что среди самих биэтноров преобладает точка зрения о политическом характере этой ассимиляции, вызванной репрессиями периода сталинской диктатуры, изменением «статуса» украинцев после распада СССР и культурно-образовательной политикой, не предусматривающей возможности изучения украинского языка и получения на нем образования даже в местах компактного проживания украинцев. Чаще о политических причинах «переписывания» украинцев в русские говорят респонденты в пограничных с Украиной регионах. В азиатской части страны мнения о вынужденном или естественном характере ассимиляции составляют две численно примерно равные группы.

Ключевые слова

украинцы в России; биэтноры; русско-украинцы; естественная ассимиляция; вынужденная ассимиляция; этнический состав

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Россия – исторически многонациональное, поликультурное государство, само формирование которого является перечнем «вхождений» в его состав территорий различных народов. В ходе территориальной экспансии и колонизации в XVII–XIX вв., как правило, происходил процесс заселения присоединенных территорий представителями, прежде всего, русского этнического большинства, но во многих регионах значимую роль в заселении играли и иные народы – украинцы, белорусы, немцы и др.

В этом ряду особо выделяются украинцы, которые сыграли огромную роль в заселении (нередко вторичном, как например, на Кубани и в Предкавказье) многих территорий Российской империи, а позднее СССР, и прежде всего речь идет о фронтальных регионах современной России, как в европейской, так и в азиатской части страны. Например, «в течение 1897–1916 гг. на окраинах империи поселилось 5,2 млн. человек <...> [из которых – В.Б.] на долю украинцев приходилось не менее 2 млн. человек <...> Составляя на рубеже XX в. около 18% общего народонаселения империи, украинцы дали почти 39% всех земледельческих мигрантов» (Кабузан, 2006, с. 239–240). Таким образом, Российская империя и СССР активно использовали демографические ресурсы Украины в целях колонизации окраинных регионов, а украинцы в целом являлись второй по масштабам этногруппой в переселенческом движении.

Однако в течение последнего столетия официальная статистика переписей населения показывала практически неуклонное падение доли украинцев, как в населении территории Российской Федерации в целом, так и в населении тех районов, где в первой половине XX в. они составляли большинство. Как будет показано ниже, смена официальной национальной принадлежности большинством украинского населения России в XX в., особенно в местах компактного проживания, была в значительной степени номинальной; на практике приобретение русской идентичности и редуцирование украинской было более плавным.

Полевые исследования автора и иных ученых свидетельствуют, что в настоящее время значительная часть потомков украинцев в регионах их традиционного проживания в России имеет биэтническое самосознание: они в той или иной степени одновременно считают себя и русскими, и украинцами, т.е. являются биэтнорами¹. Нередко также в качестве эндоэтнонима они применяют к себе название «хохлы», не вкладывая в него негативной коннотации.

1 В данной работе мы используем термин *биэтноры*, предложенный украинским социологом, президентом компании «Киевский международный институт социологии» (КМИС) В.Е. Хмелько для обозначения лиц, идентифицирующих себя в той или иной степени с двумя этническими группами (Хмелько, 2004). Некоторые исследователи используют в аналогичном значении также термин *биэтнофоры* (Митрофанова, Суций, 2017).

Несмотря на наличие ряда эмпирических исследований, выполненных различными учеными в ряде российских регионов, вопросы самосознания русско-украинских биэтноров остаются малоисследованными. Поскольку, как справедливо отмечает Н.В. Люля, «обращение к этничности и поиски идентичности традиционно усиливаются в период этнополитических конфликтов» (Люля, 2019, с. 111), идентичность потомков украинцев в России в настоящее время безусловно подвергается трансформации, вследствие развития российско-украинского конфликта в 2014 и в последующие годы.

В центре исследовательского интереса данной статьи находятся вопросы:

1. Как сами русско-украинские жители объясняют статистическое изменение национального состава их районов, – с преимущественно украинского на русское?
2. Насколько эти представления соответствуют историческим реалиям?

Ответы на эти вопросы дадут представление о таком важном сегменте этнической идентичности как историческая память, позволят оценить «естественность» трансформации официальной (т.е. в документах и по переписям) этничности биэтноров.

Украинцы России: от крупнейшего этнического меньшинства к биэтничности

По данным первых российских / советских переписей населения конца XIX – первой трети XX вв., украинцы являлись вторым по численности народом (после русских) на территории России в ее современных границах, многократно превосходя по численности все остальные этнические меньшинства. Так, по переписи 1897 г., на территории, ныне составляющей РФ, проживало 4 074 тыс. лиц с родным «малорусским» языком, что составляло 6,11% всего населения (рассчитано по: Демоскоп). По данным переписи 1926 г., число лиц с родным украинским языком составило 4 605 тыс. человек (4,98%), а украинцев по национальности 6 871 тыс. (7,42% всего населения) – рис. 1. В 1926 г. украинцы являлись крупнейшим этническим меньшинством РСФСР, превосходя по численности следовавших за ними татар в 2,7 раза.

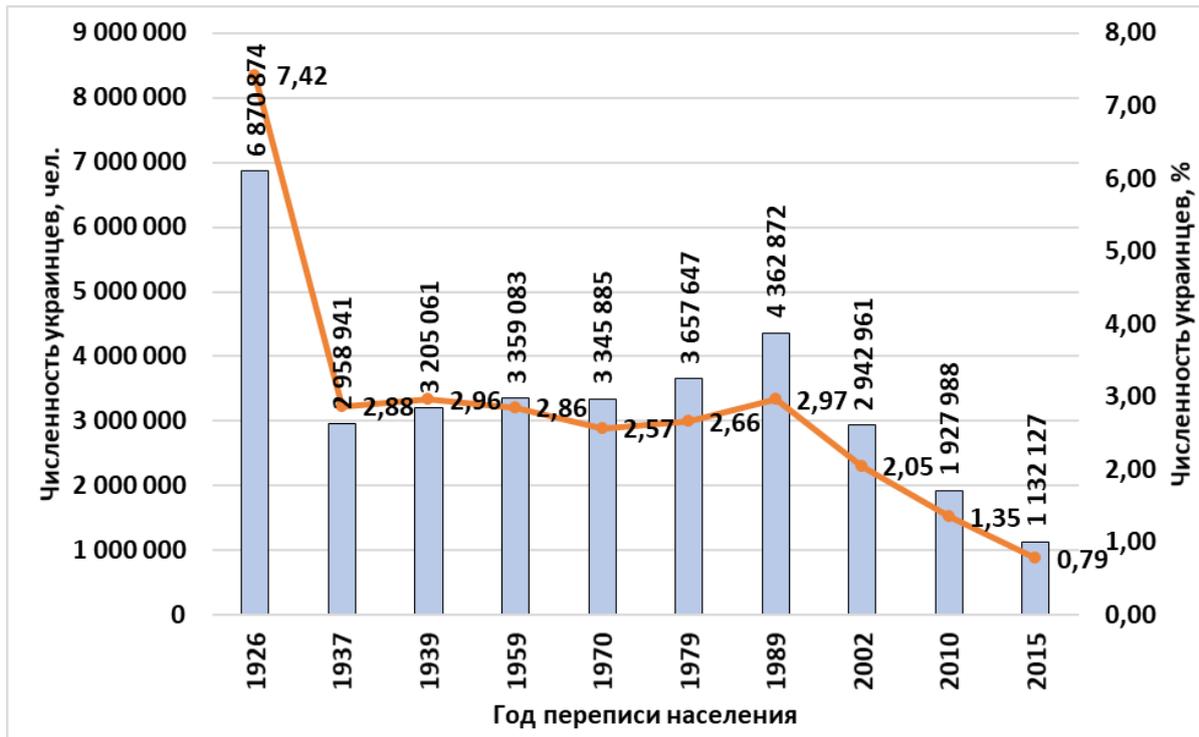

Рис. 1. Абсолютная и относительная численность украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926-2015 гг. (2015 г. – оценка на основе данных микропереписи), чел., % (рассчитано по: Демоскоп...; Всесоюзная... 2007; Росстат...)

Fig. 1. Absolute and relative number of Ukrainians in Russia (within the 2010 borders) according to censuses in 1926-2015 (2015 - estimate based on microcensus data), people, % (calculated from: Demoscope...; All-Union... 2007; Rosstat...).

Украинское население в России в первой трети XX в. характеризовалось преобладанием компактного проживания в регионах и районах, заселенных ими в европейской части страны еще в XVII-XVIII вв., а в азиатской – в конце XIX – начале XX вв. Так, по данным переписи 1926 г. почти три миллиона украинцев проживали в регионах, непосредственно примыкавших к УССР: губернии Центрального Черноземья (Воронежская и Курская – 1 633 тыс.), территория нынешней Ростовской обл. – 1 174 тыс. и Брянская губ. – 132 тыс. (рис. 2). Вторым по численности украинским этническим массивом в России были Кубань, Ставрополье и Предкавказье – в целом 1 951 тыс. Также украинцы составляли значительное число на юге Западной Сибири (734 тыс.), в Поволжье (524 тыс.), на юге Дальнего Востока (305 тыс.).

На многих этих территориях они составляли абсолютное большинство: например, в Россошанском уезде Воронежской губ. – украинцы 90%, Богучарском уезде – 73%, Грайворонском уезде Курской губ. – 56% (рассчитано по: Всесоюзная... 1928), в Таганрогском округе Северо-Кавказского края – 72%, Кубанском округе – 62% и т.д. (рассчитано по: Демоскоп...). Такое компактное территориальное размещение препятствовало развитию процессов есте-

ственной ассимиляции. А в некоторых районах, как например, в отдельных волостях Воронежской и Курской губерний, число украиноязычных жителей было выше, чем число этнических украинцев, т.е. языковой, бытовой ассимиляции иногда подвергалось русское население.

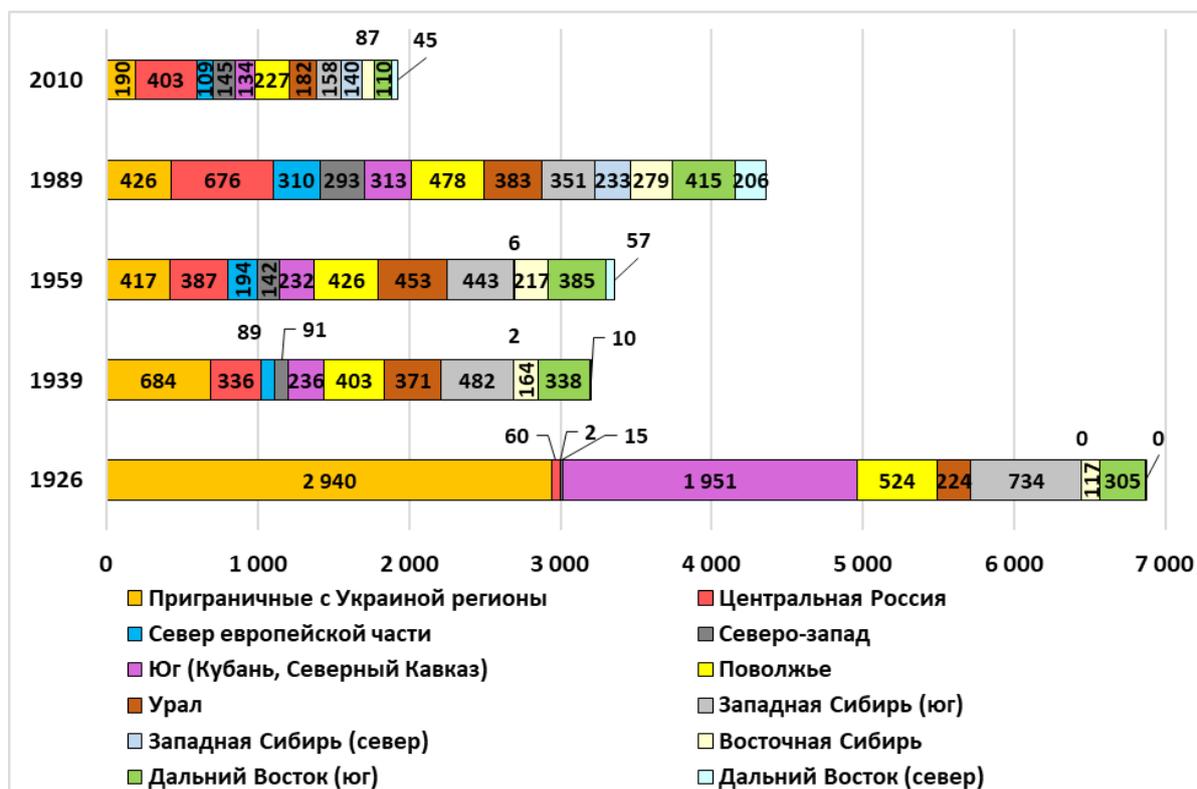

Рис. 2. Территориальное размещение украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926, 1939, 1959, 1989, 2010 гг., тыс. чел. (рассчитано по: Демоскоп...)

Fig. 2. Territorial distribution of Ukrainians in Russia (within the borders of 2010) according to censuses in 1926, 1939, 1959, 1989, 2010, thousand people. (Calculated from: Demoscope...)

Однако в течение XX в. изменения политического режима и, как следствие, национальной политики привели и к изменению самосознания украинцев, проживавших на территории современной России. Относительно короткие периоды Украинской революции (1917-1921 гг.), в той или иной степени затронувшей и украинцев на территории России, и советской «коренизации» 1920-х гг., были «зажаты» гораздо более длительными периодами: с одной стороны, царской «политикой национального угнетения украинцев» (Кабузан, 2006, с. 15-16) второй половины XIX – начала XX вв., а с другой стороны, сталинского тоталитаризма 1930-1950-х гг., в рамках которого «курс на построение “советского народа” – единой надэтнической общности, активи-

зирует процессы русификации многочисленных национальных сообществ СССР, в том числе и деукраинизацию украинцев России» (Дроздов, 2016, с. 457).

Несмотря на все различия царского и сталинского режимов в идеологии, в отношении украинцев они имели много общего. К.С. Дроздов отмечает:

«В период царской России и после прекращения политики украинизации в РСФСР в середине 1930-х гг. трансформация [идентичности украинцев – В.Б.] проходила на основе целенаправленной политики русификации и деукраинизации: запреты/ограничения на развитие украинского языка и открытие украинских школ, техникумов, вузов (школа только на русском языке); государственная и военная служба с делопроизводством на русском языке; борьба с украинской национальной интеллигенцией; репрессии против “мазепинцев”, “сепаратистов”, “петлюровцев”» (Дроздов, 2016, с. 76).

Как следствие, советские переписи 1937 и 1939 гг., показывают более чем двукратное сокращение численности украинцев в России (при масштабном приросте русских и большинства остальных этногрупп¹), а также кардинальное изменение географии их проживания. Так, в целом по переписи 1939 г. в России проживало 3 205 тыс. украинцев (рис. 1). В приграничных с Украиной регионах их осталось всего 684 тыс. (в 1926 г. – 2 940 тыс.), на Кубани и регионах Северного Кавказа – 236 тыс. (в 1926 г. – 1 951 тыс.) – рис. 2. Если в 1926 г. на эти территории традиционного проживания приходился 71% всех украинцев России, то в 1939 г. уже только 29%. Вторым по величине ареалом проживания украинцев в 1930-е гг. стали регионы юга Западной Сибири (482 тыс.), затем – Поволжье (403 тыс.), Урал (371 тыс.) и юг Дальнего Востока (338 тыс.).

Такое масштабное, катастрофическое снижение абсолютной и относительной численности украинцев в местах их традиционного, компактного проживания в 1930-е гг. было обусловлено физическими (гибелью) и политическими последствиями голода 1932-1934 гг., выразившимися в запрете на практику «коренизации», директивном переводе всех украиноязычных институций в РСФСР на русский язык и, как следствие, стигматизация украинской идентичности.

Вот, например, какие сведения приводят о деукраинизации Кубани в 1930-е гг. А.П. Скорик и В.А. Бондарев:

«Чекисты измышляли существование в Северо-Кавказском крае многочисленных националистических организаций “украинизаторов”-антисоветчиков, дабы публично переложить вину за кризисное состояние аграрного производства и нарастание материальных трудностей в регионе со сталинского режима (прямого виновника этих негативных явлений) на мифических “врагов” и “вредителей” <...> В результате [смены курса национальной политики – В.Б.] запретили выпуск почти 20 украинских газет и журналов, прекратилось радиовещание на украинском языке, закрылись несколько сотен школ, ликвидировали украинский педагогический и научно-исследовательский институты, все укра-

1 Между переписями 1926 и 1939 гг. численность русских в России выросла на 24%, татар на 43%, чувашей на 21% и т.д., украинцев же сократилась на 53% (рассчитано по: Демоскоп...).

инские педагогические техникумы. Кроме того, “по специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки”, а с 1933 г. на литераторов, профессоров и студентов ... обрушены репрессии» (Скорик, Бондарев, 2013, с. 71).

В такой общественно-политической атмосфере среди украинцев в местах их компактного проживания в европейской части РСФСР, как пишет С.А. Филонович, «началась массовая смена идентичности: быть русским считалось безопаснее, чем украинцем, поскольку русских нельзя обвинить в национализме <...> К моменту распада СССР большинство украинцев стали называть себя русскими по политическим соображениям» (Филонович, 2019, с. 142). В регионах компактного проживания украинцев в азиатской части России (юг Западной Сибири и Дальнего Востока) процессы смены этнического самосознания были более медленными, видимо, в силу меньшей политизации там этничности, в связи с их территориальной удаленностью от Украины. Хотя это предположение не следует трактовать как отсутствие политического давления на украинское население в азиатских регионах страны, просто там оно было менее brutальным, чем в европейских. Вот, например, какие сведения приводят исследователи из Западной Сибири:

«Важной тенденцией, влияющей на этносоциальные характеристики украинцев, является процесс русификации, под воздействием которого украинское население со второй половины 1930-х гг. нередко записывалось в документах хозяйственного учета как “русские”. Например, в ... селе Благовещенка (Калачинский район, Омская область) в 1937 г. русскими стали несколько семей Анищенко. Однако, как показывают полевые материалы, такое обозначение в документах не обязательно означало полный отказ от самоидентификации людей как украинцев. Вплоть до настоящего времени часть респондентов четко идентифицирует себя в качестве украинцев, хотя в документах многие записаны русскими» (Грибанова и др., 2017, с. 25).

В данном случае авторы хотя и не говорят о прямом влиянии общественно-политической ситуации в стране на национальную идентичность, однако вряд ли можно считать «естественным» процесс переписывания в русские в документах и сохранение украинской идентичности, как пишут авторы, «вплоть до настоящего времени», т.е. на протяжении восьми десятилетий. Если бы «национальный вопрос» в СССР не был политизирован, чтобы мешало записываться жителям теми, кем они себя действительно считали?

К.С. Дроздов напрямую увязывает смену национальности большинством автохтонного украинского населения России и общественно-политическую ситуацию в стране в 1930-е гг.: «Прекращение политики украинизации в РСФСР, репрессии против украинизаторов и первые этнические чистки отразились и на русско-украинских взаимоотношениях: теперь национальность стала восприниматься местным населением как один из критериев политической благонадежности» (Дроздов, 2016, с. 458). Но он же отмечает, что «точнее будет говорить о смене национальной идентичности с украинской на общерусскую советскую, ... а этничность осталась прежней» (Дроздов, 2016, с. 456).

То есть, украинская (в просторечии часто «хохляцкая») идентичность продолжала сохраняться у значительной части «бывших» украинцев, особенно в районах их компактного проживания, но она стала для них иметь более интимный, семейный, неофициальный характер, нередко скрываться от чужих.

О во многом формальном переходе из украинцев в русские в местах их компактного проживания на юге России пишет и В.Я. Суций:

«Констатируя коллапс регионального “украинства”, обнаруживаемый результатами предвоенной переписи, необходимо принять во внимание формализм голых цифр, не способных улавливать все многообразие этнокультурных оттенков <...> Население, массовым образом перешедшее из украинцев (1926 г.) в русские (1939 г.), на деле оставалось со своим сложным сдвоенным русско-украинским ментальным и социокультурным содержанием» (Суций, 2017, с. 66-67).

Переписи населения, проведенные после Второй Мировой войны, уже не демонстрировали столь кардинального изменения численности и географии проживания украинцев в России: в 1959 г. – 3 359 тыс. (или 2,86% всего населения), в 1970 г. – 3 346 тыс. (2,57%), в 1979 г. – 3 658 тыс. (2,66%), в 1989 г. – 4 363 тыс. (2,97%) – рис. 1.

Стабилизация численности украинцев в 1940-1960-х гг. и даже некоторый их прирост в 1970-1980-х гг. были обусловлены действием двух факторов. Во-первых, снижением темпов сокращения остатков автохтонного украинского населения в ареалах его традиционного проживания, что по всей видимости стало возможным в силу смягчения политического режима в СССР после смерти Сталина. Во-вторых, масштабным притоком жителей Украины, прежде всего, в регионы освоения природных ресурсов Севера РСФСР и крупные города. По переписи 1989 г., крупнейшим ареалом проживания украинцев в РСФСР стали области Центральной России (676 тыс.), прежде всего за счет их миграции в Московский регион (рис. 2).

После распада СССР в России происходит второй по масштабам (после 1930-х гг.) этап деукраинизации. Общее число украинцев сокращается за два десятилетия в 2,3 раза (с 4 363 тыс. в 1989 г. до 1 928 тыс. в 2010 г.) – рис. 1. Причины столь масштабного сокращения лежат прежде всего в ассимиляции, поскольку ни естественно-демографические факторы, ни миграция не могут объяснить такую убыль. Однако формы и причины ассимиляции украинцев России после 1991 г. существенно отличались от причин вынужденной ассимиляции 1930-х гг.

Во-первых, в конце XX в. большинство российских украинцев проживало в этнически смешанных семьях, в то время как в 1930-х гг. смешанных браков между русскими и украинцами было относительно немного. Ассимиляционные процессы постсоветского периода носили гораздо более естественный характер, чем в сталинский период. Во-вторых, переписывание многих «бывших» украинцев (по переписи 1989 г.) в русские (по переписям 2002 и

2010 гг.) было обусловлено не столько изменением этнокультурной идентичности, сколько идентичности гражданской. Распад пусть и номинально интернационального СССР и образование «независимой» России, большинством жителей воспринимаемой как национальное государство, где «титовская нация» – русские, привел и к переписыванию многих представителей этнических меньшинств в русские.

Таким образом, данные переписей населения за последние без малого сто лет (1926–2010 гг.) свидетельствуют, что общая численность украинцев в России сократилась в относительных цифрах в 5,5 раз (с 7,42% до 1,35%), а жителей с родным украинским языком в 14,2 раза (с 4,98% до 0,35%), даже несмотря на то, что практически весь этот период из Украины в Россию направлялся многомиллионный миграционный поток. Если по данным переписи населения 1926 г. число этнических украинцев в России превышало численность татар в 2,7 раза, то в 2010 г. уже татары численно превосходили украинцев в 2,8 раза.

Основным фактором такого масштабного редуцирования численности украинцев в России является ассимиляция, в 1930-е гг. вынужденная, обусловленная общественно-политической ситуацией в стране, а в последующие десятилетия приобретая более естественные формы; но и ее считать естественной ассимиляцией, на наш взгляд, нельзя, т.к. институциональные возможности сохранения украинской идентичности даже в местах их компактного проживания практически равны нулю (отсутствие школьного образования на родном языке и т.п.).

Тем не менее, по нашей оценке, реальное число жителей России с хотя бы частично украинской идентичностью многократно превосходит число тех, кто в переписях записывается украинцами. В целом, исходя из оценки В.В. Степанова численности всех биэтносов в России в примерно 10–15% населения или порядка 20 млн. чел. (Степанов, 2018, с. 68), можно предположить, что частично украинскую этничность в России имеют от 3 до 10 млн. жителей. Численность русско-украинских биэтносов очевидно более высока в регионах с многочисленным, по прошлым переписям, украинским населением.

Особенности идентичности современных русско-украинских биэтносов в России

Для части «бывших» украинцев России и их потомков характерно сохранение украинской идентичности, но при наличии и идентичности русской, т. е. распространение биэтничности или смешанной идентичности. Как пишет В.В. Степанов:

«российские украинцы сократились... без какого-либо заметного переселения на Украину или другие государства. Это результат процесса самоидентификации и одно из проявлений двойственной идентичности» (Степанов, 2018, с. 81).

Русская компонента этничности таких людей возрастала постепенно, по мере ухода украинского языка, вследствие отсутствия его институциональной поддержки и фактического запрета на использование в системе образования и общественной жизни (издание прессы и т.п.). Кроме того, русская идентичность нередко выполняет роль гражданской идентичности (русский как синоним российского), а украинская («хохлацкая») идентичность, хотя, безусловно, и редуцируется с каждым поколением, но все же сохраняется у значительной части жителей мест компактного проживания украинцев. Как отмечает Т.А. Листова:

«Резкое уменьшение численности украинцев в пользу русских по переписи 2010 г. далеко не всегда является свидетельством обретения местными жителями новой этнической идентичности, ..., этнический фактор значительной части населения весьма неопределен и не играет заметной роли в их самосознании» (Листова, 2014, с. 138).

Некоторые исследователи также считают, что «элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей» (Гриценко, Крылов, 2012, с. 135), т.е. произошел некоторый трансфер элементов украинской культуры и идентичности из этнической в региональную. Эта гипотеза находит свое подтверждение, например, в довольно широко распространенном мнении потомков украинцев, что их разговорный «хохлацкий» язык – суржик, возникший вследствие постепенной русификации украинского – это некий региональный диалект не то русского, не то украинского языка, хотя как показывают наши полевые исследования, в реальности «хохлацкий» язык в пограничных с Украиной регионах (Белгородская и Воронежская области) практически не отличается от «хохлацкого» в местах компактного проживания украинцев в Западной Сибири (Алтайский край и Омская область). Потомки украинцев в двух территориально удаленных друг от друга ареалах проживания полагают, что их «хохлацкий» язык – это регионализм, хотя он таковым не является. Более того, суржик является весьма распространенным бытовым языком и значительной части населения самой Украины.

Многие исследователи в разных регионах страны пишут о фактически симметричном процессе формирования некой субэтнической группы – «хохлов», но чаще говорят об этом процессе как о региональном явлении. Например, Е.Ф. Фурсова «приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности столыпинских переселенцев Западной Сибири, которая включает также промежуточные русско-украинские варианты (“хахлы”» (Фурсова, 2019, с. 748). Т.А. Листова, на материалах исследования в Воронежской области, пишет:

«потомки местных украинцев называют хохлами, прежде всего, жителей бывшей Слобожанщины, проживающих на русско-украинском пограничье <...>
С нашей точки зрения хохлы – это этнокультурная общность, объединенная

общими историческими корнями, общим языком и культурными традициями» (Листова, 2014, с. 137).

К аналогичному выводу приходит и Н.В. Проскурина:

«Результатом длительного русско-украинского симбиоза на территории современной Воронежской области, на наш взгляд, можно считать образование самостоятельной субэтнической группы – “хохлов”» (Проскурина, 2017, с. 97-98) и т.д.

Таким образом, основываясь на мнениях самих респондентов, вполне уместно говорить об общероссийском процессе формирования субэтнической группы «хохлов» в местах компактного проживания украинцев, особенно ускорившемся после 1991 г. Этноним «хохлы», безусловно, широко использовался в течение всего XX в., однако его значение трансформировалось от синонимичного украинцам (в первой половине XX в.), до восприятия в качестве некоей переходной, смешанной группы русско-украинского населения (в конце XX – начале XXI вв.).

К формированию «хохляцкой» идентичности как переходной или симбиозной безусловно привела культурно-образовательная политика в районах проживания украинцев: отсутствие преподавания на украинском языке и даже самой возможности его изучения привели к постепенному русифицированию языка местного населения, что вызвало и изменения в этническом самосознании. Вместе с этим, следует подчеркнуть, что далеко не все русско-украинские биэтноры ассоциируют себя с этнонимом «хохлы»¹.

Основой сохранения украинской компоненты этничности биэтноров является память о предках, представления об украинском (у большинства частичном) происхождении. Вместе с этим, в данном случае речь идет чаще о небольшой глубине генеалогических познаний жителей, на два-три, редко больше, поколения. Особенно низка роль исторической памяти в передаче украинской этничности в регионах европейской части, пограничных с Украиной. Как пишет об этом Т.А. Листова: «сохранившаяся историческая память содержит, как правило, лишь рассказы о недалеких предках, в лучшем случае – это рассказы о времени и условиях переселения, причем часто они имеют явно вторичный характер, то есть, привнесены в сознание через школы и средства массовой информации. Практически отсутствует какая-либо соотнесенность воспоминаний с местами выхода – различными украинскими землями» (Листова, 2018, с. 169). В регионах азиатской части ситуация иная. Здесь относительно широко сохранились семейные рассказы о переселении предков

1 По данным нашего опроса 2021 г., в местах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах) 67% из них в той или иной степени ассоциирует себя с этнонимом «хохлы» (30% не идентифицируют, 3% – затруднились ответить); в крупных городах (территориях дисперсного проживания русско-украинского населения) «хохлами» себя идентифицируют 56% (38% – нет, 6% – затруднились ответить). По регионам исследования, «хохлами» себя считают: 71% биэтноров в Воронежской области (26% – нет, 3% – затруднились ответить); 66% – в Алтайском крае (31% – нет, 4% – затруднились ответить); 64% – в Белгородской области (31% – нет, 5% – затруднились ответить); 61% – в Омской области (34% – нет, 5% – затруднились ответить); 47% – в Приморском крае (47% – нет, 6% – затруднились ответить).

из Украины, часто хорошо представлена история колонизации на уровне местных музеев, деятельности краеведов и даже местной культурной политики – наличие украинских фольклорных коллективов, мероприятий и т.п., чего практически нет в «бывших» украинских районах европейской части России.

Мнения биэтноров о причинах деукраинизации районов их компактного проживания

Как было показано выше, в течение последнего столетия в России фактически «исчезли» районы, в которых этническое большинство составляют украинцы. При этом изменение этнического состава в них, прежде всего, было обусловлено не естественно демографическими или миграционными процессами, а сменой национальности, которую указывали жители в переписях населения.

Итак, каково мнение самих современных биэтноров об этом процессе? Как они объясняют столь резкие изменения в статистике национального состава? На эти вопросы мы попробуем ответить при помощи анализа результатов этносоциологических исследований, проведенных в два этапа (в 2020 и 2021 гг.), качественными и количественными методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в том числе с районами, где ранее украинцы составляли этническое большинство (Белгородская¹, Воронежская², Омская³ области, Алтайский⁴ и Приморский⁵ края) – рис. 3.

-
- 1 Краснояружский район (численность украинцев: 1926 г. – 88% (волость, 30 123 украинцев из 34 143 всего населения); 1939 г. – 3% (1 274 из 37 408); 2002 г. – 4% (613 из 15 128); 2010 г. – 3% (455 из 14 845)).
 - 2 Россошанский район (численность украинцев: 1926 г. – 93% (волость и г. Россошь, 53 013 из 57 070); 1939 г. – 78% (50 718 из 65 403); 2010 г. – 12% (11 453 из 94 694)).
 - 3 Павлоградский район (численность украинцев: 1926 г. – 81% (19 049 из 23 452); 1939 г. – 65% (18 807 из 28 769); 2010 г. – 25% (4 935 из 19 859)).
 - 4 Романовский район (численность украинцев: 1926 г. – 38% (часть более крупного Завьяловского района, 17 615 из 46 329); 1939 г. – 23% (7 556 из 33 271); 1989 г. – 11% (1 825 из 16 230); 2010 г. – 6% (754 из 13 121)).
 - 5 Хорольский район (численность украинцев: 1939 г. – 52% (9 071 из 17 528); 2010 г. – 6% (1 739 из 28 734)).

Рис. 3. Фрагмент карты «Национальности СССР» из «Географический атлас СССР для средней школы», Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР. Москва, 1941 г. (судя по данным карты, эмпирическим материалом к ее составлению послужили результаты переписи населения 1926 г.). Автором круговыми знаками отмечены регионы проведения полевых исследований среди русско-украинских биэтноров в 2020-2021 гг.

Fig. 3. Fragment of the map "Nationalities of the USSR" from the "Geographic Atlas of the USSR for Secondary Schools", Chief Directorate of Geodesy and Cartography under the USSR Council of People's Commissars. Moscow, 1941 (according to the data of the map the results of 1926 population census served as an empirical material for its compilation).

The author marked with circular signs the regions of field research among the Russian-Ukrainian bi-ethnories in 2020-2021.

Респондентами стали совершеннолетние, постоянные жители регионов проведения исследований, которые в ходе предварительной беседы подтвердили наличие у себя и русской, и украинской компонент этничности¹. В 2020 г. было проведено 100 глубинных структурированных интервью (по 20 в каждом регионе), в 2021 г. – анкетирование 800 респондентов (по 160 в каждом регионе). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах, сельская местность и

¹ Допускалось также участие респондентов, имеющих третью и последующие компоненты этничности, а также идентифицирующие себя с этнонимом «хохлы», при условии, что этот этноним воспринимается ими как соотносящийся и с русской, и с украинской этничностью, своего рода самоназвание этой этногруппы.

малые города), вторая половина – в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения¹.

Выбор такой методики исследования – проведение сначала интервью (качественный метод), а затем анкетирования (количественный метод) – был обусловлен, во-первых, необходимостью сбора мнений респондентов без эффекта «навязывания ответа», который в той или иной степени присутствует при закрытом или полужакрытом (с вариантами ответа) анкетировании. Интервьюирование позволило сформулировать нам те варианты ответа для анкеты количественного исследования, которые чаще всего давали сами респонденты при проведении интервью. Во-вторых, материалы интервью раскрывают те взаимосвязи этнических процессов, которые, по мнению самих жителей, происходили и происходят в регионах их проживания.

Анкета интервью состояла из 60 вопросов, анкета анкетирования – из 59, и в обоих случаях им был задан вопрос: «По данным статистики в прошлом на многих территориях Вашего региона численно преобладало украинское население. Однако в настоящее время во всех районах региона преобладает этнически русское население. Как Вы думаете, чем вызвано такое изменение?».

В целом результаты интервью показали, что мнения биэтноров о причинах деукраинизации/русификации их районов делятся на следующие группы (в порядке уменьшения распространенности)²:

1. Мнения, объясняющие этнические процессы общественно-политическими событиями, отсутствием возможности обучаться (использовать) украинский язык в образовании, «непрестижностью» украинской этничности и т.п., т.е. ассимиляцией в той или иной степени вынужденной. Прежде всего эти мнения выражают жители пограничных с Украиной регионов, в меньшей степени – жители регионов азиатской части:

«Образование, просвещение, пропаганда – да отчасти она [пропаганда] нужна, молодежи особенно, потому что иногда включишь телек и оно каждый день, мне, например, оно понятно и немножко надоело, а кому-то надо все-таки, чтобы оно дошло до них, чтобы не было как на Украине» (муж., 1959 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местный уроженец).

«Я думаю те же самые, кто назывался украинцами – сейчас только русскими называются, не могу сказать, что они уехали все, все корни здесь ... Стали называться русскими все же по политическим каким-то вопросам, наверное. Может им неудобно, за то, что они украинцы» (муж., 1972 г.р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл. Украины, переехал в 2000-е гг.).

«Какая политика велась, так оно и получилось, что преобладал русский язык, на русском языке, русская идентичность. Исподволь, не прямо, а получилось

1 Соответственно это города: Белгород, Воронеж, Омск, Барнаул, Владивосток.

2 Далее мы приводим типовые и / или наиболее развернутые ответы респондентов из всех регионов проведения исследования. Выдержки из интервью даются в порядке расположения регионов, с запада на восток.

так, что преобладает русская вся система» (жен., 1948 г.р., г. Белгород, уроженка Ольховатского р-на Воронежской обл., переехала в 1960-е гг.).

«Тем, шо они сэбэ считают, ти ж люды, что считали себя украинцами 25 или 30 лет назад, теперь считают себя руськими. [А почему это произошло?] Навязывание культуры, языка, вот всего. Я еще маленькая была, в любое учреждение государственное зайды и можно было балакать по-хохлячи, а сейчас зайды и на тэбэ будут дывытсья, типо: “Ты шо языка не знаешь родного, государством установленного?!”» (жен., 1993, г. Белгород, местная уроженка, на суржике).

«Ну это як же путч пройшов, тем оно и вызвано. Як развалывся Советский Союз, вот так и пишло. Если бы был СССР, то так бы украинцами и булы. А раз Россия, стали жить у Росши, то ж они и пишлы – руськи» (муж., 1949 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец, на суржике).

«Политика. Союз – бах, развалился и перестроилось» (муж., 1955 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец).

«Сама я нэ знаю, чого оно так? ... Так оно як стало, что Россия, чи шо, они русским запысалы та и всэ. Шо ж они нас если мы тут [в России] жывемо, а напышуть украинци?» (жен., 1957 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка, на суржике).

«Это сложный вопрос. Может в связи с тем, что с Украиной там происходит, может это... То ж мы вроде как единое целое булы, ездили куда хотели, ездили по чем хотели» (муж., 1961 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец, частично на суржике).

«Наверное событиями в стране ... Оно ж ни чувствовалоь до послиднего врэмэни, а це ж яко стало всэ происходить, тоди ж началы...» (жен., 1960 г.р., Россошанский р-н Воронежской обл., уроженка Ивано-Франковской обл. Украины, переехала в 1980-е гг., на суржике).

«Я думаю, что это было связано в середине XX века, основная и главная причина – это в паспортах как-то более выгодно, удобно было писать “русский”. Поэтому я думаю, что это наследие середины XX века, даже не конец, не 90-е, не распад [СССР], а именно это было в ... середине XX века, для карьеры выгодно, для своих детей, для поступления там в высшее учебные заведения записать ребенка русским. [А это имело реальные основания, такие представления людей?] Да, это было реально, проще сделать карьеру русским. Была такая паспортизация, сначала же вообще в крестьянской среде паспортов не было, чтобы не уезжали в город, потому что кому-то нужно было работать в селе. А потом, когда начали эти паспорта давать, то прекрасно понимали, что лучше записать русским ребенка, и ребенка продвинуть, не в селе он будет в земле, а получит высшее образование, станет там механиком, ветврачом и так вот происходило в паспортах это изменение национальности» (жен., 1974 г.р., г. Воронеж, уроженка Кантемировского р-на Воронежской обл., переехала в 1980-е гг.).

«Политический момент. Могу пояснить: ну ты живешь в стране, в Российской Федерации и проще жить, когда ты основная часть населения, тебе не [надо] доказывать, что у тебя там другая национальность, но ты гражданин этой страны. То есть, просто проще выживать, а если к этим же людям прийти домой, они будут говорить уже на другом языке, быт у них будет другой, миро-

воззрение другое, культура другая» (жен., 1973 г.р., г. Воронеж, уроженка Казахстана, переехала в 2000-е гг.).

«Ну, я думаю, люди просто перекрасились на почве политических событий, и стали, наверное, себя идентифицировать больше с русскими. Потому что, как бы, вот это украинское происхождение большинства населения Острогожского, Богучарского, Кантемировского, Воробьевского районов, наверное, там идет какая-то русификация, и эта русификация она не произвольная, она, скорее всего, пассивная русификация, просто разукраивание этнических украинцев. Потому что над противоположным никто не работает, никто не собирается сохранять украинские традиции, украинский язык, по-моему, с этим связано. И плюс еще политика влияет, что слово Украина, украинец становится ругательным, во многих контекстах с 14-го года» (муж., 1966 г.р., г. Воронеж, уроженец Сумской обл. Украины, проживает с младенчества).

«Раньше люди как-то все говорили, что они украинцы, либо те, с кем я общалась, ну что большинство, а после уже [нет]. Ну вот украинцы по происхождению..., но они говорят: “Нет, мы русские”. Может с этим это связанное, то, что дети почему-то стесняются этого» (жен., 2001 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка).

«Многие бывшие украинцы они там и остались жить, просто они стали идентифицировать себя с русскими, писать в паспортах, что мы русские... Это вызвано неразвитостью средств культуры, которые бы пропагандировали украинскую культуру, внутренним каким-то непониманием интереса к своим корням» (муж., 1973 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«Политическими моментами, то есть украинцы, политика же меняется, и люди, которые живут, считают себя только русскими, потому что говорок то есть во многих районах Омской области у пожилого населения» (муж., 1981 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«Наверное связано с политической ситуацией в стране, чтобы не было каких-либо проблем, все стали скрывать свою настоящую национальность» (жен., 1995 г.р., г. Барнаул, уроженка Романовского р-на Алтайского края, переехала в 2010-е гг.).

«Политикой. Это исторически сложилось так: у нас репрессии и поэтому усреднение было. Боишься что-то сказать. “Пускай тебя лучше русским запишут?!”, “Да пускай!” ... Это политика, у нас даже евреи русскими записаны» (жен., 1965 г.р., г. Барнаул, уроженка Завьяловского р-на Алтайского края, проживает с детства).

«Ну с политикой государства, которая была в Советском Союзе, которая не совсем поддерживала национальные культуры, если честно. Ну праздники – это мало, это нужно было как-то, наверное, на другом уровне, ну как это, я не буду сейчас говорить – я не знаю, но этого было мало. Если допустим, в те же 30-е годы в селах были украинские школы, да, обучали украинскому языку, все равно было какое-то замкнутое пространство в селе, один стиль общения, и тот же русский мог общаться на украинском, это было нормально» (жен., 1960 г.р., г. Барнаул, уроженка Карасукского р-на Новосибирской обл., переехала в 1970-е гг.).

«Тем, что при оформлении паспорта многие стали писать русские. Поэтому и поменялось процентное соотношение ... Советский Союз дал многое: с одной стороны – это было сближение народа, а с другой стороны – главным был русский язык и учились все в школе русскому языку, культуре, поэтому человек, даже если у него были украинские какие-то корни, он все равно стал соблюдать больше каких-то русских обычаев, обрядов, язык. Поэтому начал ближе ощущать себя русским, чем украинцем» (муж., 1974 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец).

«Я думаю в связи с последними событиями на Украине ... Мне кажется записываться скорее всего [стали русскими]... Ну конечно не очень естественный [это процесс], но у каждого человека свои на это есть причины, может быть что-то, какие-то факторы повлияли на это и они переписались, ну мало ли, ну может у нас хохлы и мы как бы разницу не чувствуем. А где-то есть такие деревни, что какие-то условия им поставлены» (жен., 1981 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хабаровского края, переехала в 1990-е гг. с родителями на их родину).

«Ну конечно руководством это все такое вызвано, изменения, а чем [еще]? Не сами же люди того захотели, а высшее руководство это все сотворило ... Ну потому что в России же живут ... Ну вот какая у меня дочь будет украинка, если она здесь родилась и ни одного слова не знает [по-украински]... И я тут родилась, но я росла еще с родителями, они по-хохлацки говорили и я с ними... А когда родители поумирали, мы в школу, замуж повыходили, начали общаться, эти телевизоры пошли, радио – все по-русски ... Если бы учились на украинском, конечно больше бы знали. Как вот немцы изучали немецкий язык у нас ... они изучали – мы немецкий и они немецкий» (жен., 1948 г.р. Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

«... 33 год коллективизация, это геноцид и русского и украинского народа, и потомки украинцев стали русскими. Потом очень много исход в рыбную промышленность ... очень много в рыбной промышленности работало переселенцев, они получали паспорта, где было уже потом написано, что он русский. То есть тут в Приморском крае были и украинские общества, и был еще распространен в начале 20-х годов, 30-х годов был украинский язык имел хорошее хождение, ну а потом это постепенно политика... Знаете сейчас: «Уууу хохол!», вот такой вот нацизм вдалбливался в голову, и люди постепенно становились русскими, вот поэтому сейчас нет практически здесь украинского чистого населения ... Конечно [это процесс] искусственный, естественный процесс если бы они все-таки были украинцами» (муж., 1949 г.р., г. Владивосток, местный уроженец).

2. Мнения, объясняющие статистические трансформации, прежде всего, естественно-ассимиляционными процессами, а также совмещением гражданского и этнического самосознания. Эти мнения чаще выражают жители регионов Сибири и Дальнего Востока, реже – жители приграничных с Украиной областей:

«Потому что многие поженились наши и рождались дети, которые уже с российским гражданством ... Мы то были признаны россиянами, поэтому,

наверное, все указывали, что они русские и все» (жен., 1980 г.р., г. Белгород, уроженка Ровеньского р-на Белгородской обл., переехала в 2000-е гг.).

«Наверное те традиции, которые тут все-таки сложились и приверженность к корням стала меньше, ну к корням я имею ввиду генеалогическому древу, к предкам, каждый стал считать себя больше русским так как тут проживают, и за счет этого поменялось такое восприятие самого себя» (муж., 1989 г.р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местный уроженец).

«Думаю, что пожилое население, которое, например, 30-е, 40-е, 50-е, 60-е год рождения, они ассоциируют себя с семьей, с традициями, они украинцы, потому что все знают, что Павлоградка – это сугубо украинское село... А те, кто помоложе – 80-й, 90-й год – они уже ассоциируют себя с глобальным, космополиты ... Они ассоциируют себя не с национальностью, а с гражданством ... живут в России и считают себя русскими» (муж., 1995 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец).

«Я же вам рассказывал, что был Каюк, а стал Каюков – русский, он хохол сам, да, а в паспорте написал [русский]. И вот они чувствуют себя, хоть и русскими, как и я вот, а все равно, я то хохол же. Правильно? Вот и все так. В паспорте был Драный, стал Дранов. Сами меняли, да» (муж. 1950 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец).

«Ну две вещи. Во-первых, очень многие украинцы, теперь уже потомки украинцев, уже не считают себя украинцами. То есть, если условно говорить допустим переехало миллион населения, а было всего населения три миллиона. Из них полтора миллиона русские, полмиллиона местные народы, а миллион украинцы, то их дети они уже не ощущали себя украинцами, потому что представители русской культуры [численно преобладали], а это означает, что в два раза увеличилось население, соответственно украинское население не увеличивалось. А русское население увеличивалось. Это естественный процесс. Вторая причина, в начале XX века мы были многонациональной страной, а в начале XXI века мы страна, в которой русское население составляет едва ли не 80%» (муж., 1977 г.р., г. Барнаул, уроженец Восточно-Казахстанской обл. Казахстана, переехал в 2010-е гг.).

«Сами себя стали самоидентифицировать по-другому, наверное, их дети, потомки... Это естественно» (муж., 1988 г.р., г. Барнаул, уроженец Восточно-Казахстанской обл. Казахстана, переехал в 2000-е гг.).

«В поколениях смешивание русский и украинец. Это естественный процесс. Миграции много, много уезжают..., браки. Сила традиции она прерывается...» (муж., 1979 г.р., г. Барнаул, уроженец Родинского р-на Алтайского края, переехал в 2000-е гг.).

«Потому что позанимались [русскими] в основном, ассимилировались все» (жен., 1957 г.р., г. Барнаул, уроженка Родинского р-на Алтайского края, переехала в 2000-е гг.).

«Связано с ассимиляцией, украинцы постепенно растворяются в русскоязычном населении, перестают считать себя украинцами и их кровь смешивается с русской, они растворяются. Ну этот процесс для малых народов он неизбежный, они всегда поглощаются большими народами. Нету тут никакого злого

умысла, а вот скорее всего это естественный процесс слияния наций и народностей» (муж., 1967 г.р., г. Барнаул, местный уроженец).

«Тем, что мы живем то в России, и что в нас хохляцкого, это все идет из поколения в поколение и с каждым поколением это теряется ... Я считаю это естественный процесс» (муж., 1987 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец).

«Ну вы знаете, я не думаю, что хохлы прям, эти же украинцы полетели и уехали на Украину. Значит, наверное, вот то поколение, в которое был бум, когда приезжали, оно ведь уходит из жизни и ихние дети уже становятся русскими, только такое объяснение» (жен., 1957 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ивано-Франковской обл. Украины, переехала в 1980-е гг.).

«Ну чем вызвано, поколения, дети, рождаемость. Например, повыходили замуж за русских, и уже детей записывают русскими, тем более, если здесь и живут. Если украинец за украинца вышел, поженились, может и дают национальность свою» (жен., 1961 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ровенской обл. Украины, переехала в детстве).

«Общение шло на русском языке в основном, украинский никто не препятствовал где-то слова употреблять, но они в основном вымывались с течением времени. За последние 30 лет со времени распада Советского Союза очень много вымылось всего этого, еще тогда я начинал после института работать, еще очень много в деревнях допускали смеси украинского и русского, сейчас почти нету, редко какое-нибудь слово» (муж., 1963 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженец Анучинского р-на Приморского края).

«Изменением идентичности, потому что и предки, и люди, и поколения остались те же, просто они записали себя везде русскими. Это естественный процесс плавильного котла» (муж., 1944 г.р., г. Владивосток, уроженец Михайловского р-на Приморского края, переехал в 1950-е гг.).

3. Объяснения естественно-демографического (рождаемость и смертность) или миграционного характера, хотя они часто по смыслу связаны с процессами естественной ассимиляции. В подавляющем большинстве эти мнения выражают жители азиатской части России:

«Потому что многие уехали обратно, а многие уехали дальше, то есть Московский регион, Брянский. Даже знаю конкретно людей, которые уехали. У меня одно время я даже поражался – у меня на даче, наверное, процентов на 30 заселены были вот именно хохлами, потом они год-два обтерлись, пожили и уехали дальше. Мне кажется из-за этого» (муж., 1983 г.р., г. Белгород, местный уроженец).

«Потому что коренные жители уезжают в другие места, а приезжают с Казахстана ближнего, там гонения были, а мы союзники. Многие в Омск уезжают, на Север. Работы нет, мужчины устраиваются на Севере (Сургут, Ханты-Мансийск) и туда семью перевозят» (жен., 1970 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка).

«А ти [украинцы] повьмыралы ... А руськи приезжают» (муж., 1948 г.р., Павлоградский р-н Омская обл., местный уроженец, на суржике).

«Изменение вызвано только тем, что то поколение уходит. У меня ... за полтора года ... в основном поумирали ... Внуки – половина как бы тоже хохлами [считает себя], ну то что поразъезжались, они не живут же ни в Омске, ни в Омской области. Хотя они хохлы, они все также знают традиции» (жен., 1954 г.р., г. Омск, уроженка Полтавского р-на Омской обл., переехала в 1970-е гг.).

«Ну дело в том, что украинцы – это народ, рассыпанный по всей Земле, более всего они мигрируют. Говорят, что в любой точке Земли они есть. ... Поэтому либо они возвращаются, что у нас имеет место назад на историческую родину, либо они находят места компактные здесь в Сибири и там, туда уезжают» (муж., 1959 г.р., г. Омск, местный уроженец).

«Потому что появилось новое поколение, из-за прироста населения, наверное. Может быть кто-то приехал. Ну навряд-ли кто-то сюда приедет жить. Отсюда только уезжают. Наверное, это естественно» (жен., 2000 г.р., Романовский р-н Алтайского края, местная уроженка).

«Наверное же повьмырала ты стари люды ... А молодежь яки воны тоби украинцы, если они уже пережэньлыся и они уже и знать не знают, хто они» (жен., 1960 г.р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хмельницкой обл. Украины, переехала в 1970-е гг., на суржике).

«Отток населения, случившийся в 1990-е годы. Сильнейший отток» (жен., 1965 г.р., г. Владивосток, уроженка Уссурийского р-на Приморского края).

4. Мнения, отрицающие сам факт смены этнического состава, подчеркивающие номинальный характер «официальной» национальности (в документах и переписях населения). Эти мнения выражают прежде всего жители приграничных с Украиной областей:

«Да ничего оно не преобладает, просто пишут русский, как в паспорте, а также остались люди все равно, вот так же как и я, что думают, что они все-таки хохлы. Но некоторые не пишут, кто-то стесняется этого, кто-то боится. Раньше ведь репрессии были, и многие умалчивали о своем происхождении» (жен., 1977 г.р., г. Воронеж, местная уроженка).

«Я думаю, что скорее всего именно отделением, то что у нас стала Украина отдельно, Россия отдельно и соответственно эти люди, они, так как живут в России, они стали себя считать россиянами. То есть, это чисто такая техническая часть. Хотя я лично езжу, у меня родственники живут в Богучаре, и я туда езжу. И вот мы и в Кантемировке были по работе, там как были люди такие же как из Луганской и Донецких областей, они разговаривают на вот этом суржике, они по менталитету как-то ближе вот к нам и то есть, да можно сказать, они абсолютно, наверное, даже одинаковые с нами, ну с нами, которые вот с тех областей. То есть поэтому ничего не поменялось. И в речи прям приезжаешь и там: “Украинска мова льється!”» (жен., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженка Луганской обл. Украины, переехала в 2010-е гг.).

«Я думаю, что это больше, вот, формальные вещи и это все на бумаге так, а так как себя люди чувствуют, это оценить невозможно. Ну, причиной этому могут быть, вот, все-таки ваше телевидение, которое очень много кричит о том, о том, что не является действительностью, вот, поэтому, может быть

это вот как информационная такая движуха» (муж., 1980 г.р., г. Воронеж, уроженец Саратовской обл., переехал в 2010-е гг.).

«Люди формально просто переоформляют гражданство, потому что так удобнее ... Я думаю, в душе так и остались украинцами» (жен., 1971 г.р., г. Владивосток, уроженка Полтавской обл. Украины, переехала в 1990-е гг.).

«Не, ну, я не верю. Я переписи не верю ... Лично я по Хорольскому району знаю ... Че тут изменилось? Хохлы повымирали?! Так диты появились ... В душе они все равно они хохлы» (муж., 1946 г.р., Хорольский р-н Приморского края, уроженец Луганской обл. Украины, переехал в 1960-е гг., на суржике).

При проведении анкетирования в качестве вариантов ответа на вопрос о причинах изменения национального состава районов компактного проживания украинцев в России респондентам были предложены варианты, объясняющие изменение этнического состава:

- демографическими причинами (варианты: «выездом украинцев или притоком русских», «разницей в уровне рождаемости и смертности русских и украинцев»);
- естественной ассимиляцией (вариант: «естественной ассимиляцией украинского населения»);
- общественно-политической, в той или иной степени, вынужденной ассимиляцией (варианты: «вынужденной ассимиляцией украинского населения», «политическими причинами», «тем, что в России комфортнее назвать себя русским»).

При ответе респонденты не были ограничены количеством выбранных вариантов ответа.

Результаты массового опроса показывают отсутствие какой-либо одной преобладающей точки зрения на причины изменения этнического состава в исследованных регионах. Значительная часть опрошенных (26,6%) вообще затруднилась ответить на вопрос (рис. 4), что главным образом обусловлено массовым незнанием этнической истории и тем более статистики национального состава в прошлом и настоящем, а также низким уровнем рефлексии об этнических процессах, в том числе рефлексии и о личной идентификации. Как правило, вопрос определения своей национальности возникает лишь при необходимости ее указания в некоторых документах или в переписях населения. Чаще всего затруднялись назвать причины изменения этнического состава представители молодежи – 28,6%, жители сельской местности (т. е. собственно тех районов, о которых и идет речь в вопросе) – 27,3%, жители Белгородской обл. – 30,0%, Алтайского края – 28,1% и Воронежской обл. – 27,5%.

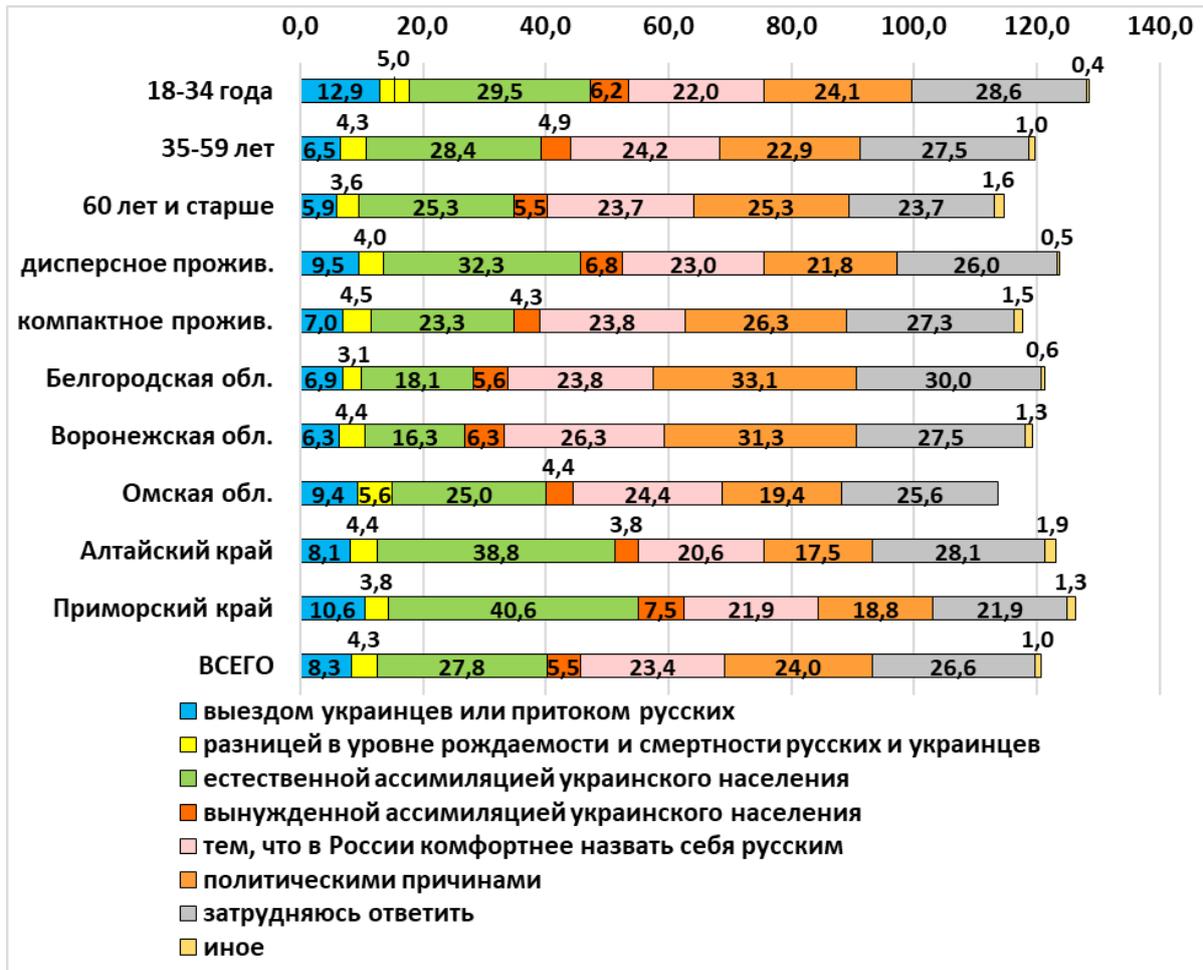

Рис. 4. Ответы русско-украинских биэтноров в разных возрастных и территориальных подгруппах на вопрос: «По данным статистики в прошлом на многих территориях Вашего региона численно преобладало украинское население. Однако в настоящее время во всех районах региона преобладает этнически русское население. Как Вы думаете, чем вызвано такое изменение?», опрос 2021 г.

Fig. 4. Responses of Russian-Ukrainian bi-ethnos in different age and territorial subgroups to the question: “According to statistics in the past many territories of Ukrainian population was numerically predominant in many areas of your region. However, currently the ethnically Russian population predominates in all areas of the region. What do you think, What do you think caused such a change?”, 2021 survey.

Результаты количественного исследования в целом примерно отображают соотношение мнений, которое было нами зафиксировано в ходе интервьюирования биэтноров. Чаще всего респонденты называли причины изменения национального состава, которые мы относим к группе «вынужденная или общественно-политическая ассимиляция»: «политическими причинами» – 24,0%, «тем, что в России комфортнее назвать себя русским» – 23,4%, «вынужденной ассимиляцией украинского населения» – 5,5%. Эти мнения нельзя

суммировать, т.к. респонденты могли указывать одновременно несколько вариантов ответа, но, тем не менее, эта группа численно несколько превосходит количество сторонников мнения о «естественной ассимиляции».

Отметим, что респонденты довольно часто выбирали ответы «политическими причинами» и «тем, что в России комфортнее назвать себя русским» (их назвали по четверти опрошенных), а вот напрямую назвали этот процесс «вынужденной ассимиляцией» примерно в пять раз меньшее число респондентов, хотя выбор национальности по политическим причинам или в силу большей комфортности одной этнической идентичности перед другой и является, по нашему мнению, вынужденной ассимиляцией.

Многие жители считают вполне естественной, нередко даже правильной, ту ситуацию, что люди меняют этничность вследствие самого факта проживания в России. Восприятие русской этничности как титульной, а, следовательно, более престижной у большинства не вызывает отторжения, хотя с точки зрения Конституции РФ все этносы являются равноправными, а поддержка культуры и языков народов России гарантируется законодательно.

Существенно чаще общественно-политический характер ассимиляции украинцев отмечают респонденты в регионах, пограничных с Украиной, в сравнении с азиатской частью страны. Например, вариант «политическими причинами» указали 33,1% биэтноров в Белгородской обл., 31,3% – в Воронежской обл., и лишь 19,4% – в Омской обл., 18,8% – в Приморском крае, 17,5% – в Алтайском крае (рис. 4). Также более высока доля выбирающих варианты, соотносящиеся с вынужденной ассимиляцией в самих «бывших» украинских районах: «политическими причинами» – 26,3% (в городах 21,8%), «тем, что в России комфортнее назвать себя русским» – 23,8% (в городах 23,0%), «вынужденной ассимиляцией» – 4,3% (в городах 6,8%)¹.

На естественный характер ассимиляции компактно проживающих в России украинцев указали в среднем 27,8% опрошенных. Значительно более высока эта цифра в регионах, территориально удаленных от Украины: в Приморском крае – 40,6%, в Алтайском крае – 38,8%, в Омской обл. – 25,0%, в Белгородской обл. – 18,1%, в Воронежской обл. – 16,3%. Помимо территориального удаления исследованных регионов от Украины, на процесс восприятия ассимиляции как «естественной», по всей видимости, большое влияние оказал масштаб численности украинского населения в этих регионах в прошлом, компактность его проживания². Поэтому доля выбирающих вариант «есте-

1 Данный вариант чаще выбирали респонденты в городах, однако, как мы уже отмечали выше, все три анализируемых здесь варианта следует считать, в той или иной степени, вынужденной ассимиляцией. По всей видимости, более частый выбор конкретно этого варианта ответа в городах обусловлен более высоким уровнем правового просвещения в них, понимания неестественности ассимиляции по общественно-политическим причинам.

2 Например, по данным переписи 1939 г., на территории современной Белгородской обл. был 1 район с численно преобладающим украинским населением, в Воронежской обл. – 7, в Омской обл. – 4,

ственная ассимиляция» несколько выше в Белгородской обл. в сравнении с Воронежской, а в Алтайском крае выше, чем в Омской обл. Кроме того, значительно чаще естественный характер ассимиляции отмечают жители крупных городов – 32,3% (в сельской местности – 23,3%), более молодые респонденты – 29,5% (средний возраст – 28,4%, старший – 25,3%) – рис. 4.

Естественно-демографические и миграционные причины изменения этнического состава «бывших» украинских районов отмечает наименьшая доля опрошенных: «выездом украинцев или притоком русских» – 8,3%, «разницей в уровне рождаемости и смертности русских и украинцев» – 4,3%. Как показывают данные статистики, демографических причин изменения этнического состава ни в одном из названных районов не существовало, т.к. уровень рождаемости и смертности русских и украинцев в них практически не отличался. Миграционный фактор снижения численности украинского населения имел место лишь в Приморском крае, где после распада СССР действительно наблюдался довольно масштабный отток украинцев, прибывших туда в послевоенный период.

Миграционную причину изменения национального состава чаще называют жители Приморского края – 10,6% опрошенных, реже Омской обл. – 9,4%, Алтайского края – 8,1%, Белгородской обл. – 6,9%, Воронежской – 6,3%. Разницу в уровне рождаемости русских и украинцев в качестве причины назвали от 3,1% в Белгородской обл. до 5,6% в Омской обл. (рис. 4). Интересно также, что «нереальные» причины изменения этнического состава (демографическую и миграционную) значительно чаще называли молодые биэтноры (5,0% и 12,9%, соответственно), в сравнении с поколением среднего (4,3% и 6,5%) и старшего возраста (3,6% и 5,9%).

Выводы

Статистика национального состава территории Российской Федерации показывает, что за последнее столетие относительная численность украинского населения неуклонно сокращалась, даже несмотря на постоянный миграционный обмен населением с Украиной. Изменения общественно-политического строя, национальной политики в 1930-е гг. привели к обвальному сокращению численности автохтонного украинского населения в регионах европейской части России, где украинцы проживали совместно с русскими с XVII-XVIII вв. (Черноземье, Кубань). В регионах азиатской части (юг Западной Сибири и Дальнего Востока), куда массовая миграция украинцев началась в конце XIX в., процесс смены населением «официальной» этнической идентичности был более «плавным», видимо, в силу меньшей политики «украинского вопроса» в удаленных от Украины регионах.

в Алтайском крае – 3, в Приморском – 1. В 1989 г. таких районов осталось: в Белгородской обл. – 1, в Воронежской – 3, в Омской – 1, и ни одного в Алтайском и Приморском краях.

Второй по масштабам этап сокращения общей численности украинцев в России и территорий их компактного проживания произошел после распада СССР. Формы этой ассимиляции были более естественны, т.к. большинство украинцев проживало уже в этнически смешанных браках (как правило, с русскими). Тем не менее, в местах компактного проживания эту смену национальности сложно считать естественной, т.к. десятилетиями на получение образования на родном языке, его изучение, поддержание этнической культуры был наложен негласный запрет. И тот факт, что ареалы компактного проживания украинцев сохранились вплоть до конца XX в., скорее, свидетельствует о «силе» идентичности, нежели, как считают некоторые, о «естественном отказе» украинцев от своего языка, культуры и, как следствие, идентичности.

Проведенные в пяти регионах РФ исследования показывают, что жители «бывших» украинских районов являются, как правило, биэтнорами, т. е. в их самосознании присутствует и украинская (постепенно «угасающая», но передаваемая в семьях из поколения в поколение), и русская (возникшая вследствие общественно-политических процессов и институциональной культурно-образовательной политики) компоненты идентичности. Кроме того, в среднем 67% биэтноров в «бывших» украинских районах и 56% в крупных городах ассоциирует себя в той или иной степени с этнонимом «хохлы», чаще всего воспринимая его как самоназвание.

Мнения биэтноров о причинах смены национального состава в районах компактного проживания украинцев разделяются следующим образом. Наибольшую группу (примерно 40%) составляют респонденты, указывающие на общественно-политические причины смены национальности (распад СССР и, как следствие, изменение «статуса» украинцев, большую комфортность и престижность русской этничности, большие возможности сделать карьеру, отсутствие возможности обучаться на родном языке и т.д.); существенно выше доля таких респондентов в регионах, пограничных с Украиной (свыше 50%), в регионах азиатской части их меньше (около 35%).

Количественно вторую группу составляют мнения, считающие ассимиляцию украинцев естественной. Аргументация таких мнений в принципе повторяет набор причин, выраженных в группе мнений о политическом характере ассимиляции, но сами респонденты считают этот процесс естественным. Естественный характер ассимиляции объясняется также смешанными браками. В целом эта группа составляет около 28%, но существенно выше она в удаленных от Украины регионах Сибири и Дальнего Востока (около 35%), тогда как в регионах на границе с Украиной – 15-20%.

Третью группу составляют респонденты, полагающие, что смена этнического состава произошла вследствие демографических и/или миграционных причин (в реальности последнее лишь отчасти характерно для регионов Дальнего Востока) – таковых около 10% (в европейской части 8-10%, в азиатской –

примерно 12%). Кроме того, по данным анкетирования, более четверти опрошенных затруднились назвать причины изменения национального состава, хотя при интервьюировании количество таких ответов было небольшим (около 8%).

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Список литературы

- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Выпуск 4: Народность и родной язык населения СССР. (1928). ЦСУ Союза ССР.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: Т. III. Центрально-черноземный район. Средневолжский район. Нижне-волжский район. (1928). ЦСУ Союза ССР.
- Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. (2007). РОССПЭН.
- Грибанова, Н. С., Чернова, И. В., Люля, Н. В., & Свидовская, А. С. (2017). *Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX века*. Алтайский государственный педагогический университет.
- Гриценко, А. А., & Крылов, М. П. (2012). Этнокультурный градиент: Региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины. *Культурная и гуманитарная география*, 1(2), 126–140.
- Дроздов, К. С. (2016). *Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923– 1933 гг.* Центр гуманитарных инициатив.
- Кабузан, В. М. (2006). *Украинцы в мире*. Наука.
- Листова, Т. А. (2014). Воронежские украинцы-русские хохлы. *Вестник антропологии*, 2, 116–139.
- Листова, Т. А. (2018). Влияние границ на современную этнокультурную ситуацию на юго-западе России. В В. В. Зотов (Ред.), *Межнациональные и межконфессиональные отношения в приграничном регионе: Состояние и тенденции* (с. 161–171). Курская академия государственной и муниципальной службы.
- Люля, Н. В. (2019). Этническая идентичность потомков украинских переселенцев Алтайского края в период обострения российско-украинских отношений. В М. Ю. Мартынова (Ред.), *XIII Конгресс антропологов и этнологов России* (с. 111). ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Микроперепись населения 2015. (б. д.). Росстат.
https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

- Митрофанова, И. В., & Суций, С. Я. (2017). Русские на Украине: Геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы. *Социологические исследования*, 8, 45–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. (б. д.). Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>
- Проскурина, Н. В. (2017). Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*, 4, 95–99.
- Скорик, А. П., & Бондарев, В. А. (2013). Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: Осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.). *История в подробностях*, 10, 62–71.
- Степанов, В. В. (2018). Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений. В В. А. Тишков & В. В. Степанов (Ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 62–88). ИЭА РАН.
- Суций, С. Я. (2017). История, современность и перспективы украинцев юга России: Демографо-расселенческий аспект. *Народонаселение*, 20(3), 63–74.
- Филонович, С. А. (2019). История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов. *Вестник Армавирского Государственного Педагогического Университета*, 1, 135–145.
- Фурсова, Е. Ф. (2019). Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, 25, 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>
- Хмелько, В. (2004). Лінгво-етнічна структура України: Регіональні особливості й тенденції змін за роки незалежності [Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости]. *Наукові записки НаУКМА* [Научные записки НаУКМА], 32, 3–15. (На украинском).

References

- All-Union Population Census of 1926: Vol. III. Central Black Earth Region. Srednevolzhskiy district. Nizhne-Volzhskiy district.. (1928). Central Statistical Bureau of the USSR. (In Russian).
- All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of documents and materials. (2007). ROSSPEN. (In Russian).
- All-Union Population Census of December 17, 1926: Brief summaries. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population. (1928). Central Statistical Bureau of the USSR. (In Russian).
- Censuses of the Russian Empire, the USSR, the 15 newly independent states. (n. d.). Demoscope Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (In Russian).
- Drozdov, K. S. (2016). *Ukrainianization policy in the Central Black Earth Region, 1923–1933*. Humanitarian Initiatives Center. (In Russian).
- Filonovich, S. A. (2019). Istorija zaselenija Central'nogo Chernozem'ja v zone russko-ukrainskih kontaktov. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 1, 135–145. (In Russian).

- Fursova, E. F. (2019). Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 25, 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753> (In Russian).
- Gribanova, N. S., Chernova, I. V., Lyulia, N. V., & Svidovskaya, A. S. (2017). *Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia in the late 19th – 20th century*. Altai State Pedagogical University. (In Russian).
- Gritsenko, A. A., & Krylov, M. P. (2012). Ethno-Cultural Gradient: Regional Identity and Historical Memory in the Neighboring Regions Of Russia And Ukraine. *Cultural and Humanitarian Geography*, 1(2), 126–140. (In Russian).
- Kabuzan, V. M. (2006). *Ukrainians in the world*. Nauka. (In Russian).
- Khmelko, V. (2004). Linguistic and Ethnic Structure of Ukraine: Regional Peculiarities and Trends in the Years of Independence. *Scientific Notes of NaUKMA*, 32, 3-15. (In Ukrainian).
- Listova, T. A. (2014). Voronezh Ukrainians-Russian Khokhlyas. *Vestnik antropologii*, 2, 116–139. (In Russian).
- Listova, T. A. (2018). The Impact of Borders on the Modern Ethnocultural Situation in Southwest Russia. In V. V. Zotov (Ed.), *Interethnic and Interconfessional Relations in the Border Region: Status and Trends* (pp. 161–171). Kursk Academy of State and Municipal Service. (In Russian).
- Lyulia, N. V. (2019). Ethnic Identity of Descendants of Ukrainian Resettlers of Altai Krai during the Aggravation of Russian-Ukrainian Relations. In M. Yu. Martynova (Ed.), *XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia* (p. 111). IEA RAS, KFU, Institute of History named after Sh. Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).
- Microcensus 2015. (n. d.). Rostat. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (In Russian).
- Mitrofanova, I. V., & Suschii, S. Ya. (2017). The Russians in Ukraine: Geodemographic Results of the Post Soviet Period and Middle Term Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8, 45–58. <https://doi.org/10.7868/s0132162517080050> (in Russian).
- Proskurina, N. V. (2017). Russian-Ukrainian Symbiosis within the Territory of the Voronezh Region. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*, 4, 95–99. (In Russian).
- Skorik, A. P., & Bondarev, V. A. (2013). Ukrainizacija na Juge Rossii kak nacional'no-politicheskaja kampanija: Osushhestvlenie i likvidacija (1920-e – nach. 1930-h gg.). *Istorija v podrobnostjah*, 10, 62–71. (In Russian).
- Stepanov, V. V. (2018). Ethnocultural Diversity of Russia and the Possibility of Statistical Measurement. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Ed.), *Russia's Ethnic and Religious Diversity* (pp. 62–88). IEA RAS. (In Russian).
- Suschii, S. Ya. (2017). The History, the Present and the Prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic Settlement Aspect. *Population*, 20(3), 63–74. (In Russian).